

И.Г. Герасимов

Институт проблем искусственного интеллекта МОН Украины и НАН Украины,
г. Донецк

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И АНТИЧНЫЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ: ПАРАЛЛЕЛИ И МЕРИДИАНЫ (РАССУЖДЕНИЯ)

В статье проведен анализ «Слова о полку Игореве» («Слова...») с точки зрения параллелей с античными эпическими поэмами, включая материалы троянского мифологического и легендарного циклов. Выявлено определенное количество соответствий между структурой и семантикой древнерусского памятника и античными эпическими поэмами. Высказано предположение о знакомстве автора «Слова...», по крайней мере, с некоторыми из них.

Ключевые слова: античные традиции, эпические традиции, структурная организация, аналогии.

Возможно, именно античные традиции (традиции античных эпических поэм) продолжает автор в «Слове о полку Игореве, Игоря, сына Святослава, внука Олегова»? (далее – «Слово...» [1]; пунктуация, использованная в полном названии, не устоявшаяся, но несомненно следует из версии о принадлежности авторства «Слова...» Игорю [2]).

Для того чтобы проанализировать такую возможность, проведен анализ «Слова...» с точки зрения литературных традиций античности. Рассмотрены не только лексическая, филологическая, символическая доминанты произведения древнерусской литературы, но и его семантические, языковые и философские особенности. Выявление параллелей между античными эпическими поэмами и «Словом...» представляет собой **цель исследования**.

Всемирную известность приобрели три античные эпические поэмы: «Илиада», «Одиссея» [3] (авторство приписано Гомеру, что общепринято), «Энеида» (автор – Вергилий) [4]. Вне слуха – четвертая – «Фиваида» [5] (автор – Стаций). Все поэмы построены на материалах троянского мифологического и легендарного цикла и две первые – написаны на древнегреческом языке, а две последние – на латинском. В структуре этих поэм можно выделить характерные для всех четырех элементы.

Рассмотрим их по порядку (произвольно) и сопоставим с соответствующими элементами «Слова...». Однако прежде заметим, что две из античных поэм – по преимуществу батальные («Илиада», «Фиваида»), тогда как две другие – прежде всего поэмы странствий («Одиссея», «Энеида»).

По такой причине, исключая структурную организацию, сопоставление будет делаться в первую очередь с двумя первыми из указанных или даже лишь с одной из них – с «Илиадой», как тематически близкой к «Слову...» и, безусловно, наиболее знакомой читателю. Что же касается любых параллелей, которые могут быть проведены и выявлены во всех четырех античных эпических поэмах и между ними, то это – глобальная тема специального исследования (вероятно, не единственного), которое до настоящего момента не проводилось и лишь соприкасается с рассматриваемой, и дело соответствующих специалистов, к чьим работам мы и отсылаем заинтересованного читателя.

Структурная композиция. Прежде всего, обратим внимание на количество песен (число глав) в эпических поэмах. И хотя, почти наверняка, «Илиада» и «Одиссея»,

были структурированы не автором, Вергилий и Стаций, вероятно, следовали сложившейся традиции. Иными словами, если деление на главы гомеровских поэм не авторское, то римские авторы очевидно сами делили свои поэмы на главы. Нетрудно заметить, что поэмы Гомера содержат по 24 песни каждая, а поэмы римских авторов – по 12. Таким образом, количество песен во всех четырёх поэмах кратно двенадцати – магическому числу, на котором основана и римская система исчисления, например, времени, чем мы пользуемся до сих пор. Вряд ли это совпадение, скорее всего – прекрасно осознаваемая авторами эпических поэм дань устоявшейся традиции, вероятно, имеющая более глубокие, нежели даже самые древние из дошедших до нас поэм Гомера, корни.

А что же представляет собой «Слово...» в этом отношении? Как известно, в «Слове...» никаких глав (песен) нет. Но это не означает, что их (песни (главы)), нельзя выделить в его структуре. Попытка сделать это привела к следующему результату (названия песен даны автором условно и могут быть переобозначены, но суть от этого не изменится никоим образом): 1. Зачин. 2. Сбор войск. 3. Затмение. 4. Поход. 5. Первая стычка с половцами. Победа Игоря. 6. Окружение войск русичей половцами. 7. Вторая стычка. Воспоминание о прошлом. Поражение Игоря. 8. Плач по погибшим. 9. Сон Святослава. Золотое слово Святослава. 10. Обращение ко князьям. Сказ о Всеславе Полоцком. 11. Плач Ярославны. 12. Побег Игоря. Финал.

Заметим, что коррекция названий (и тем более, числа) песен автором не проводилась, все они приведены в том виде, в котором представились при первом пробном (оно же – окончательное) разбиении текста «Слова...» на песни. С сугубо научной точки зрения – это не аргумент, но деление на 12 песен логически обосновано. Вызывает определенные неточности наличие в некоторых из песен (5, 7, 8, 12) не одного, а двух и даже трёх (7) эпизодов. Однако в песне 5, названной условно «Первая стычка. Победа Игоря», речь идёт о первом столкновении Игоря с половцами, завершившимся победой Игоря, что можно было бы и не оговаривать (вот оно, отсутствие корректировки). Такая же ситуация и с песней 7, названной (также условно) «Вторая стычка. Воспоминание о прошлом. Поражение Игоря», с той лишь разницей, что описание второй битвы прерывается вставкой. Песня 9 («Сон Святослава. Золотое слово Святослава») совершенно очевидно едина, поскольку вся она посвящена Святославу, его видению мира, жизни и смерти. Наконец, песня 12 («Побег Игоря. Финал»), включающая в себя помимо описания побега Игоря из половецкого плена, славословие ему и дружине (финал), также не может быть фрагментирована, хотя бы ввиду небольшого объема этого самого финала. Таким образом, можно (и следует) считать, что «Слово...» состоит из двенадцати песен, глав, главок, разделов, частей, опять же песен – в полном соответствии с античной традицией, характерной для эпических поэм.

При самостоятельной разбивке данного произведения на главы (фрагменты), проведенной квалифицированным специалистом конечный подсчет, по-видимому, приведет к аналогичному результату (например, у Янка Купала перевод «Слова...» тоже 12-частный [6].) Повторим нашу разбивку на главы, сделанную более аккуратно (то самое переобозначение), дабы название песни обозначить одним предложением: 1. Введение (зачин). 2. Сбор войск. 3. Затмение. 4. Поход. 5. Первая стычка с половцами (победа Игоря). 6. Окружение войск русичей половцами. 7. Вторая стычка с половцами (поражение Игоря) со вставкой: воспоминание о прошлом. 8. Скорбь по погибшим и Земле Русской. 9. Сон Святослава и его золотое слово. 10. Обращение ко князьям и Сказ о Всеславе Полоцком. 11. Плач Ярославны. 12. Побег Игоря (финал).

Ну, чем не «Игориада»? Всё дальнейшее – тезисы. При этом нужно учесть, что античные эпические поэмы в разной мере оказали влияние на многие (индо-) евро-

пейские эпосы. То есть и среди многих эпических (не античных) произведений могут быть выявлены параллели и аналогии как с античными поэмами непосредственно, так и опосредовано через них со «Словом...». Приведем лишь одно, почти дословное, соответствие: «Ведь его, должно быть, и птицы терзают (днесь, и фиванские псы...)» (Фиваида, X, 352; пер. Ю.А. Шичалина) [5], – и – «Дружину твою, княже, птицъ крылы прїодѣ, а звѣри кровь полизаша» [1], где в обоих случаях речь идет о гибели (героя, войска), правда на разных стадиях процесса¹. Тем не менее, птицы и звери (псы ли, какие иные) в каждой из поэм (и, конечно, не исключительно в этих двух) представляются носителями или со-путниками смерти тех, о ком авторы, не скрывая того, сожалеют.

Параллели. Рассмотрим после двенадцати- (или двадцатичетырѣх-, в общем, двенадцатикратного)-главия (-песения) следующий антично-эпический элемент – авторское обращение к музе (вообще к богам), в первую очередь, с целью обеспечить качественное звучание поэмы. В роли такой музы в «Слове...» оказывается Боян, по крайней мере в зачине, причѣм ссыла на него дана в третьем лице. Однако, автор «Слова...», явно отходя от античной традиции, вступает с Бояном в полемику, декларируя, хотя и не очень отчѣтливо, свои литературно-художественные принципы. Автор «Слова...» заявляет, что его принципы (технические? эстетические? другие?), его подходы к написанию произведения будут отличны от соответствующих бояновых подходов. Впрочем, конкретика данных отличий неясна, несмотря на предположение (утверждение) о том, каким образом Боян бы воспел славу Игорю. Не проясняется это и в дальнейшем изложении, а поскольку у нас нет произведений Бояна, за исключением двух небольших фрагментов, цитируемых автором «Слова...», то мы и не в состоянии прояснить заявленные различия. Разве что Боян лишь «персты на струны возлагал, а те сами славу рокотали», предварительно «пустив соколов на стадо лебедей», и ещѣ прежде «растекаясь по древу, земле, под облаками». Тем не менее, традиция соблюдена: вопрос о написании поэмы с музой обсуждѣн, то есть муза (Боян) по крайней мере поставлена в известность, дабы не препятствовала, ежели помогать не намерена. Кроме того, к Бояну (музу), «Бояну божественному, богам не равному» (нет подобного соответствия), автор «Слова...» обращается ещѣ дважды – как к безусловному авторитету. Впрочем, кто знает, не есть ли Боян – не просто сказитель-музыкант-поэт, но божество, ответственное за лирику и эпос. Или обожествлѣнный смертный с теми же задачами. Такому предположению не противоречит и упомянутый в «Слове...» уход Бояна от двора кагана (князя), которому служил: и боги по разным причинам бывали в услужении у смертных и, напротив, смертные, исполнив завет, принимались в сонм небожителей.

Ещѣ один характерный признак античного эпоса – перечень участников ополчения, когда речь идет о будущих битвах, и вообще (шире) участников событий. В «Илиаде», например, это знаменитый «список кораблей», в «Фиваиде» – перечень семерых, которые выступили против Фив. В «Слове...» подобный список недлинный: упоминается лишь о кметях-курянах, сведомых брата Всеволода, – хотя Игорь собирал войска (следуя опять же античной и любой иной эпической традиции) со всех доступных ему для этого уделов земли Русской, защитником и выразителем идей которой он и выступает на протяжении всей поэмы.

Затем (прежде предстоящей битвы) следует пророчество, за которыми в античный период обязательно обращались к оракулам различных богов и которые, кроме того

¹ Образ зверей и птиц, поедающих тела побеждѣнных, очень древний, известный ещѣ в хеттской поэзии, использовавшей многие находки шествовавшей ей хурритской литературы. Например: «Тело моѣ – того, кто был Львом и Героем, – // птицы и лисы съедают» (пер. Вяч.Вс. Иванова) [7]).

получали от индивидуально занимающихся предсказанием будущего профессионалов и любителей (например, Лаокоон, Кассандра). В нашем случае православный пафос поэмы, стержнем которого выступают языческие верования, не позволяет её герою (точнее, автору) напрямую обратиться за советом непосредственно к высшим силам, кроме как к христианскому богу, в корне нивелирует данную идею. Поэтому отстраняя Игоря от прямого контакта с языческими пророками (например, волхвами), автор ссылается на солнечное затмение – своеобразный оракул-знак, имеющий возможность донести информацию свыше и в христианском мире. Тут, впрочем, не совсем ясно то ли это знамение-подсказка христианского бога, то ли языческого. Так или иначе мнение высших сил (бога, богов) доведено до адресата – пророчество сделано и (что немаловажно) исполнено последующими событиями, причём весьма скоро.

Далее обратим внимание на участие богов, точнее их присутствие. Не одного (триединого) христианского бога, а множества богов языческих. Здесь и Хорс (правда, как герой эпизода с Игорем прямо несвязанного), и Стрибог (вернее, внуки его, ветры, к одному из них обращается Ярославна в плаче), и Днепр с Донцом (порознь), и собственно Солнце (в том же плаче Ярославны, но прежде, как сказано, в эпизоде пророчества), и кроме того, – очевидные персонификации, такие как Див, Обида, Жля, Карна. При этом формальное следование автором православию не позволяет ему показать влияние богов и/или персонификаций на поход (в отношении затмения солнечного мы уже говорили), на битву, на события ей предшествующие, сопутствующие или наследующие (скажем, побег Игоря из плена). В этом смысле весьма показателен плач Ярославны, в котором она обращается к кому угодно (солнце, ветер, вода), но не к православному богу или иным христианским покровителям. Равно Игорь, «бегучи из плена», заручается поддержкой Донца (воды), а не кого иного, хотя благодарит за спасение Богородицу, официально признавая её помощь. Высшие силы «Слова...» не участвуют в той же битве ни на чьей стороне. Вернее, не отдают никому предпочтение. Например, ветры, Стрибожьи внуки, просто «мечут стрелы», а Обида «встала себе девою». Более конкретное обозначение данных действий становится понятным лишь из контекста, без убедительной аргументации. Тем не менее, они, боги, в поэме традиционно присутствуют, действуют, их влияние ощущают на себе герои поэмы, разумеется, не помимо воли автора.

И ещё одна, может быть, последняя параллель. Речь об авторском «ко князьям» обращении разных, в том числе минувших, времен. По сути, в данном случае говорение со князьями, пусть и в авторском исполнении, – это обращение к мёртвым. Будь они, князья живы, индивидуальный, личный контакт невозможен – не тот уровень. Православие, очевидно, не допускает непосредственного пришествия в царство мёртвых, что бывало почти обычным (при соответствующем стечении обстоятельств, при надлежащем допуске к тому), что случалось повсеместно (банально) с героями античных поэм, становилось их необходимым делом на пути к достижению задуманного, а вернее, веленного богами во исполнение их воли. Правда, православие разрешает общение с умершими, но исключительно с праведниками, с так называемыми святыми, причём исключительно по воле тех самых святых, которые общались с живыми, представляясь им во снах, видениях и прочем бессознательном состоянии. Тем не менее, автор «Слова...» посчитал нужным и возможным подобное, безо всяких мистических (хотя бы в традициях православия) оговорок. Он попросту потребовал ответа от князей, как «живущих во время оно, так и живших во времена оны». При этом не ощущается никакой разницы в том, жив ли тот, к кому обращается автор, или же он почил (давно либо недавно). Из контекста, без знания исторических реалий, вовсе непонятно, какие из князей, о которых идет речь, живы или мертвы, о чём, впрочем, хорошо было известно первым слушателям поэмы и ещё лучше – слушателями через десятилетия. Все они, князья живые и мёртвые, «поставлены на одну доску, посажены в одни сани». Потому, видимо, в «Слове...» нет

прямых указаний на то, что Игорь (да и когда бы мог Игорь пуститься на такое предприятие) посетил страну мёртвых. Он (автор от его имени) попросту обращается к живым и мёртвым, не делая между ними различий: они, князья, не одушевленные, но тени, поскольку всё равно помощи от них ждать не приходится: в общем, сугубо словесное обращение, без каких-либо материальных последствий. Подобный подход, скорее всего, явно восходит к античной традиции, когда герой эпоса восходит (или нисходит?) в царство мёртвых, дабы получить совет, реже – помощь от более мудрых. К слову, Игорь никакого совета не получает, потому как всего лишь сетует, ничего не испрашивая. А и незачем: всё уже решено: поздно обратился он ко князьям былым и нынешним (при его жизни), раньше думать нужно было.

Меридианы. Теперь о меридианах. Имеются в виду смысловые пересечения с античными поэмами, порой, прямо перпендикулярные. Однако, перпендикуляр в геометрии на шаре, в отличие от привычного плоского или хотя бы трёхмерного мира, – не полная противоположность даже в направлении движения, уж не говоря о смысловом восприятии.

Прежде всего, бросается в глаза и непосредственно обращает на себя внимание то, что в «Слове...» практически нет описания героев. Во всяком случае, нет ни одного развёрнутого описания. Даже Игорь никаким образом, кроме имени и развернутого родового имени, не выписан. Ни он, ни его доспехи, вооружение. Возможно, в этом нет ничего выдающегося. Скорей всего, ни сам Игорь, ни его оружие, а никто иной не заслуживал сколько-нибудь пространныго описания ни с точки зрения автора (собственно Игоря – скромн), ни со стороны слушателей. Однако, действие произведения далеко от обыденности и представляет собой интерес.

Многих элементов античных поэм в «Слове...» нет. Например, поминальных игр. Но, во-первых, поминальные ристалища попросту не в русской православной традиции, во-вторых, христианам любого толка их проводить вовсе не пристало, а в-третьих, никто-то ведь из героев главных и не погиб: так, дружина – существо безликое, тогда как тризна – действие персональное. Возможно, поэтому в поэме вообще нет эпизодов, связанных с погребением павших, с памятью павших (исключая плач Ярославны, о чём далее). В общем, некое презрение к погибшим, несмотря на Желю и Карну, заявивших о себе по всей земле Русской, представляется довольно странным. Единственное, что может, пожалуй, служить оправданием такой позиции автора, это плач – плач Ярославны.

Плач Ярославны – уникальное явление в «Слове...», равно как и плач – особое явление в эпической поэме вообще. И то сказать: если есть эпос, сражения, битвы, то непременно окажутся погибшие, убитые, а по этим последним обязательно кто-нибудь должен сокрушаться. Так Андромаха плакала по Гектору. Кроме того, некто, по ком плач, может быть просто утрачен, хотя жив и здоров физически. Так Дидона плакала по Энею. Ярославна же плачет, совмещая в плаче и потерю, и утрату, то есть плачет и о погибших (воинах Игоревой дружины), и об утраченном (попавшем в плен Игоре). В этом смысле плач Ярославны явно нов, но опирается он на давние (античные в том числе) традиции. В этом смысле плач Ярославны и вовсе уникален. Не случайно именно он, плач Ярославны, ввиду своей оригинальности, преобладания в нём явного лирического начала, не случайно плач Ярославны перелагался многими поэтами независимо от текста поэмы, поэтами, поэму полностью не переводившими (см., например [9], где около 20-ти переложений плача Ярославны, или [8], где их до 10 и это далеко не все, имеющиеся даже на момент издания сборников). С другой стороны, создается впечатление, что подобные плачи существовали ранее, до «Слова...», в виде собственно плачей: уж слишком выделяется он из контекста «Слова...», по крайней мере стилистически да и композиционно, например, трёхразовый запев: «Ярославна рано плачет (в) Путивле(ю)...». Не исключена адаптация наличного плача (или плачей) к событиям поэмы.

Возможно, именно по такой причине в тексте плача Ярославны фигурирует Днепр, который к событиям не имеет практически никакого отношения. То есть автор использовал готовый шаблон, умело видоизменив его в соответствии с необходимым ему, автору, деталями. (Попутно заметим, что таким же образом, как вставка, как вставная новелла, воспринимается в контексте «Слова...» внутреннее слово – золотое слово Святослава, каковое тоже, впрочем, может иметь античные корни в сопоставлении с античными речами, скажем, мудрого Нестора, гневного Ахиллеса, хитроумного Одиссея.) Таким образом, плач (плач Ярославны), хотя и не очевидно, но вряд ли нов в «Слове...» относительно античного эпоса. Ново его наполнение. Плач же в эпической поэме не нов. Новое звучание приобретает побег.

Хотя, возможно, и элемент побега не обладает новизной: странствия Одиссея, вся «Одиссея» – побег от суетности мира; Эней и вовсе бежит из разорённой Трои, о чём повествует «Энеида». Формально «Энеида» да и, возможно, «Одиссея» – один большой побег и его последствия. Выходит, всё в «Слове...» – античные элементы, какой эпизод, какой фрагмент не берется во внимание. Да и что можно сказать после Гомера? Конечно, это не означает, что в «Слове...» и нового-то ничего нет. В «Слове...» как раз-то новое всё: и композиция, и стилистика, и тропы, и образы – словом всё. И элемент побега нов в ситуационном смысле, именно из плена, не после победы-поражения, как в «Одиссее» – «Энеиде». Так или иначе в «Слове...» элементы античных эпических поэм просматриваются сплошь и рядом, используются, модифицируются, обрабатываются иначе, благодаря чему еще раз подчеркивается гениальность автора.

Выводы

Вряд ли признаки эпических поэм, прослеживаемые и выявляемые в «Слове...», простое совпадение. И, конечно, каждое из обсуждаемых в работе положений в пользу наличия в тексте «Слова...» элементов античных эпических поэм, взятое в отдельности, может быть при критическом рассмотрении признано надуманным или притянутым волей автора статьи.

Однако все они в совокупности позволяют с определенной уверенностью утверждать, что «Слова...» представляет собой своеобразный аналог античных эпических поэм, перенесенных на русскую православную почву, обильно удобренную языческими традициями, не утратившую их, пересаженных на эту почву, прижившихся в ней, пустивших в неё исконно русские корни. К слову, главный герой «Слова...», князь Игорь, лишён каких-либо сомнений в правильности собственных поступков, что есть психология Средневековья, идущая от Античности, и что брать в качестве примера для подражания не только не целесообразно, но и аморально, независимо от конкретной ситуации. Тем не менее, действия и поступки князя Игоря, его мысли находят отклик и у наших современников, не говоря уже о современниках князя, который, не исключено, и является автором «Слова...».

Таким образом, все вместе взятое позволяет предположить знакомство автора «Слова...» с античными литературными традициями, в частности, с античными эпическими поэмами или хотя бы с некоторыми из них. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят либо опровергнуть предлагаемую в работе аргументацию, либо, на что надеется автор статьи усилить её.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святослава, внука Олегова.
2. Герасимов И.Г. Тёмные места в «Слове о полку Игореве» // Культурное и историческое наследие

- «Слова о полку Игореве». – Сб. статей всеукр. конф. – 15–16 ноября 2012 года, Донецк, Украина / Герасимов И.Г. – Донецк: «Гелиос Принт». – С. 49–62.
3. Гомер. Илиада. Одиссея / Гомер.
  4. Вергилий Публий Марон. Энеида / Вергилий Публий Марон.
  5. Стаций Публий Папиний. Фиваида / Стаций Публий Фавиний. – М.: Наука, 1991. – 352 с.
  6. Слово об палку Ігаревым / [Пер. Я. Купала] // Слово о полку Игореве. – БП (Большая серия, изд. 3-е). – Л.: Сов. писатель, 1985. – С. 316-340.
  7. Солнце и океан. Отчаяние Океана / [Пер. Вяч. Вс. Иванова] //: Луна, упавшая с неба. – М.: Художественная литература, 1977. – 317 с.
  8. Слово о полку Ігореві.– К.: Наук. думка, 1966.– 523 с.
  9. Слово о полку Игореве. – БП (Большая серия, изд. 3-е). – Л.: Сов. писатель, 1985. – 720 с.
  10. Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI – XIII веков / Ястребицкая А.Л. – М: Искусство, 1978. – 174 с.

I.G. Герасимов

«Слово о полку Ігореві» та античні епічні поеми: паралелі й меридіани (роздуми)

У статті представлений всебічний аналіз «Слова...» з точки зору паралелей з античними епічними поемами, включаючи матеріали троянського міфологічного та легендарного циклів. Особливу актуальність дане дослідження набуває у сучасному літературознавстві.

Ключові слова: античні традиції, епічні традиції, структурна організація, батальні сцени, міфологія.

I.G. Gerasimov

«The Word On the Shelf Campaign» and Antique Epic Poem: Parallels and Meridians (Reasoning)

The paper presents a comprehensive analysis of the «Words...» in terms of parallels with the ancient epic poems, including materials Trojan mythological and legendary cycles. Of particular relevance in this study takes on a modern literaturoznavstve.

Key words: ancient tradition, the epic tradition, structural organization, battle scenes, mythology.

Статья поступила в редакцию 17.03.2014.